

ЭНГИН
АЙСИН,
ЭВЕЛИН
РУППЕРТ

Рождение сенсорной власти: как пандемия сделала ее видимой?¹

ВВЕДЕНИЕ

Энгин Айсин (р. 1959) – профессор Школы политики и международных отношений Лондонского университета королевы Марии (Великобритания). Область научных интересов – механизмы осуществления международной политики.

Эвелин Рупперт – дата-социолог, профессор департамента социологии Лондонского университета Голдсмита (Великобритания).

Чтобы понять, как пандемия коронавируса мобилизует практики работы с данными, мы начнем с анализа форм власти, которые эти данные производят, собирают и систематизируют. Иными словами, нашей отправной точкой будут не сами данные, а формы власти, которые производят данные и действуют, опираясь на них. Именно путем этого анализа мы придем к предположению о заре новой формы власти, которую называем сенсорной.

Рассматривая длительный исторический процесс развития современной власти – способов, которыми накопление субъективированных² народов приводит к накоплению знания и делает возможным накопление капитала, – мы начнем с того, что Фуко понимал как формы власти, сменяющиеся с XVII века на Западе. Нам известнее всего *суверенные* (охватывают примерно XVII и XVIII века), *дисциплинарные* (охватывают примерно XVIII и XIX века) и в какой-то степени *регулирующие* (охватывают примерно XIX и XX века) формы. Различия в осуществлении каждой из форм можно продемонстрировать на примере того, как каждая из них управляет народами: суверенная власть стремится выжать *почтительное послушание*, дисциплинарная требует *покорного подчинения*, а регулирующая власть желает *калибровать* проявления послушания и покорности в соответствии с состоянием здоровья и богатством групп населения.

Нам следовало бы подробнее рассказать об этих трех формах власти, но главная цель этой статьи в том, чтобы пред-

1 Перевод выполнен по: ISIN E., RUPPERT E. *The Birth of Sensory Power: How a Pandemic Made it Visible?* // *Big Data & Society*. 2020. Vol. 7. № 2. Р. 1–15. Авторы крайне признательны за полезные комментарии к ранним черновикам этой статьи Мэттью Фуллеру, Лале Халили, Адриану Маккензи и Линде Монсис. Авторы выражают благодарность членам Теоретической лаборатории в Школе политики и международных отношений Лондонского университета королевы Марии за замечания и вопросы во время семинара по ранней версии данной статьи; особенно – Мари Бошам, Лиз Чаттерджи, Диего де Мериха, Джеймса Иствуда, Ниви Манчанда, Патрика Пинкертон, Эльке Шварц и Дирдре Трой. Авторы также благодарят Юджина Бреннана за полезный отклик. Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов в отношении исследования, авторства, публикации данной статьи. Авторы не получили финансовой поддержки в связи с исследованием, авторством, публикацией данной статьи.

2 То есть подконтрольных и идентифицированных. – *Примеч. перев.*

ложить четвертую форму власти, доселе не названную (по крайней мере явным образом). Мы *не будем* давать ей формальное определение, но зато расположим в определенном контексте и опишем во взаимосвязи с другими формами власти. Мы называем ее «сенсорной властью» и предлагаем считать, что она охватывает примерно XX и XXI века, а если точнее – период с 1980 года. Истоки сенсорной власти восходят к тем вычислительным технологиям, которые использовались в Великобритании и США в XIX веке для переписи населения. Эти технологии придумал Чарльз Бэббидж («разностная машина»), сконструировал Георг Шутц и собрал в готовую к использованию форму Уильям Фарр в Центральном бюро регистрации актов гражданского состояния Великобритании – все ради того, чтобы Англия могла собирать демографическую статистику³. Вне всякого сомнения, дисциплинарная и регулирующая формы власти в XIX веке служат предпосылкой и катализатором для развития вычислительных технологий. К XX веку вычислительные технологии стали информационными и содействовали развитию военных, правительственных и корпоративных сетей, которые к XXI веку посредством интернета приняли форму сетей личных связей. Именно персонализированные, миниатюризированные и распределенные вычисления с 1980-х, а также приложения, устройства и платформы, особенно с 1990-х, стимулировали развитие технологий обнаружения и отслеживания, породили логику платформ для реализации услуг, основанных на данных. От военной и финансовой сфер, от гостиничной индустрии и транспортного сообщения до сферы здравоохранения – все сектора попали в зависимость от данных, которые обнаруживают и отслеживают людей в их движениях, чувствах, потребностях и желаниях. Впрочем, сенсоры, формирующие эти технологии и производимые ими данные, породили не только новые способы накопления капитала, но и способы накопления субъективированных народов. Под «сенсорами» мы подразумеваем различные технологии, позволяющие выследить людей, распознать их и сделать пригодными для считывания с помощью сенсорных устройств⁴ посредством разных форм оцифрованных данных

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

³ HASKING I. *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 53.

⁴ В оригинале – *sense-able*. Под «сенсорами» авторы статьи имеют в виду не столько устройства, которые воспринимают прикосновения (например сенсорный экран), сколько всяческие разведывательно-сигнализационные и измерительные датчики. Для понимания контекста обратимся к статье Карло Ратти – директора MIT Senseable City Lab. Он пояснил название своей лаборатории следующим образом: «Неологизм *senseable* одновременно означает и “способный почувствовать” [*able to sense*], и “осмысленный” [*sensible*]. Так мы подчеркиваем человеческую точку зрения, противопоставляя ее чисто технологической» (RATTI C. *Towards a «Senseable City»: Technology, Trial and Error to Make a City Really «Smart»*. Istituto per gli studi di politica internazionale. 2018 (www.ispionline.it/it/publicazione/towards-senseable-city-technology-trial-and-error-make-city-really-smart-21558)). – *Примеч. перев.*

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

(текста, числа, изображения, звука, сигнала и так далее) о поступках людей – например, о транзакциях, передвижениях, поисковых запросах, кликах и так далее. Именно посредством связи с такими сенсорами – будь то фитнес-приложения, музыкальные стриминговые сервисы или устройства с геолокацией – люди субъективируются⁵ и появляются на свет в качестве субъективированных народов (*subject peoples*). Субъективированные народы сформировались именно вследствие быстрого распространения сенсоров почти во всех сферах жизни. Таким образом, рождение сенсорной власти не только сигнализирует о новых технологиях накопления капитала и субъективированных народов, но и дает понять, как новые жизненные уклады претворяются в реальность.

Нас заботит вопрос, привлекла ли пандемия коронавирусной инфекции внимание к этой новой форме власти, сделала ли она ее видимой и артикулируемой в начале XXI века. Иными словами, хотя сенсоры в вышеописанных формах распространялись с 1980-х, именно в условиях пандемии та форма власти, которую они составляют, стала бесспорной – или вполне – очевидной и ощутимой. Мы утверждаем, что эта новая форма власти проявляется в обнаружении и отслеживании инфекций, передвижений, контактов и так далее. Принимая во внимание критику программ обнаружения и отслеживания заболевших и их контактов (*tracking and tracing*), которая велась из разных углов – например, с точки зрения проблем приватности, негласного наблюдения и отчуждения имущества или прав собственности⁶, – мы надеемся, что изучение этой новой формы власти в более длительной исторической перспективе позволит определить возможные формы сопротивления.

Последние несколько лет мы работали над пониманием этой новой формы власти⁷. Наши труды еще продолжаются, и язык рассуждений менялся вместе с нашим осмыслением. Однако реакция международных и национальных властей (правительственных, корпоративных, организационных) на вызовы пандемии в 2020 году настолько наглядно продемонстрировала, как наши мысли воплотились на практике, что, хотя воздействие пандемии продолжается, мы убеждены: сейчас самое время поделиться, пусть даже и поверхностно, рядом предложений

5 То есть становятся подконтрольными и идентифицируемыми. – *Примеч. перев.*

6 COULDRY N., MEJIAS U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2019; LYON D. *The Culture of Surveillance: Watching as a Way of Life*. Cambridge: Polity, 2018; ZUBOFF S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs, 2019.

7 BIGO D., ISIN E., RUPPERT E. (Eds.). *Data Politics: Worlds, Subjects, Rights*. Routledge Studies in International Political Sociology. London: Routledge, 2019; ISIN E., RUPPERT E. *Data's Empire: Postcolonial Data Politics* // BIGO D., ISIN E., RUPPERT E. (Eds.). *Op. cit.* P. 207–227; ISIN E., RUPPERT E. *Being Digital Citizens*. London; New York: Rowman and Littlefield International, 2020.

в качестве краткого, общего изложения более обширного проекта. Прежде, чем мы сформулируем наши предложения по теме сенсорной власти, необходимо кратко описать суверенную, дисциплинарную и регулируемую формы власти, приводя в пример текущие правительственные и корпоративные ответы на вызовы коронавирусной пандемии. Затем мы надеемся проиллюстрировать, как пандемия делает четвертую форму власти видимой и артикулируемой.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

От военной и финансовой сфер, от гостиничной индустрии и транспортного сообщения до сферы здравоохранения – все сектора попали в зависимость от данных, которые обнаруживают и отслеживают людей в их движениях, чувствах, потребностях и желаниях.)

ФОРМЫ ВЛАСТИ: СУВЕРЕННАЯ, ДИСЦИПЛИНАРНАЯ, РЕГУЛИРУЮЩАЯ

Краткий обзор форм власти необходим, так как периодизация и операционные процессы стали основными поводами для разногласий. Исследования Фуко 1970-х⁸, где он понимал власть как стратегии и технологии, посредством которых люди управляют собственным поведением и поведением других людей, оказались чрезвычайно плодотворными⁹. Фуко радикально расширил представление о публичной власти от просто государства до различных пространств – таких, как поликлиники, рабочие дома, больницы, армии, тюрьмы, лагеря, школы, города, – и тех пространств, где управленческое поведение по отношению к другим и к себе служило предпосылкой и катализатором для изобретения стратегий и технологий, осуществлявших управление¹⁰. Хотя целое поколение ученых проникательно и скрупулезно подчеркивало, что исследования Фуко о формах власти не выходят за определенные рамки, их работы в свою очередь не привели ни к достижению какого-либо консенсуса, ни к продуманным и надежным методам анализа власти. Общая картина сложна и неоднозначна, однако мы тем не менее по-

8 FOUCAULT M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage, 1977; IDEM. *The History of Sexuality: An Introduction*. New York: Pantheon Books, 1978; IDEM. *Power/Knowledge*. Hemmel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1980.

9 LEMKE T. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: New York University Press, 2011.

10 IDEM. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London: Verso, 2019.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

пробуем кратко изложить версию, представленную в таблице ниже, которая помогла нам структурировать наши мысли, послужив аналитическим инструментом. В каждой строке представлена одна из названных форм власти. Каждой из них соответствует структурированная по столбцам информация о том, что мы кратко освещаем в этой статье: о стратегиях и технологиях, которые эта форма власти задействует; о знаниях, которое она производит; об объектах, которыми она управляет; об ассамбляжах, которые она принимает и предписывает; о сопротивлении, которое она вызывает.

Формы	Истоки	Стратегии	Технологии	Знания	Объекты	Ассамбляжи	Сопротивления
Суверенная	примерно XVII–XVIII века	почтительное послушание	сдерживание, жестокость	картография, политическая арифметика	территории	колонии, доминионы, нации	восстание
Дисциплинарная	примерно XVIII–XIX века	покорное подчинение	заточение, исправление, наказание	медицина, нозология, психология, социология	тела	лагеря больницы, фабрики, тюрьмы, школы, рабочие дома	свержение
Регулирующая	примерно XIX–XX века	калибровка	корректировки	демография, экономика, эпидемиология, евгеника, статистика	группы населения	категории, классификации	Уклонение
Сенсорная	примерно XX–XXI века	деятельность	модуляция	вычислительные социальные науки, криптология, наука о данных, наука об интернете	кластеры	приложения, устройства, платформы	непрозрачность

Формы власти, подходящие для накопления субъективированных народов и накопления капитала. Стратегии, технологии, знания, объекты, ассамбляжи и сопротивления – это лишь примеры, наглядно демонстрирующие то, как каждая форма власти функционирует и вызывает сопротивление.

Когда мы говорим «форма власти», мы имеем в виду ту логику принятия управленческих решений, посредством которой власть оказывает воздействие и порождает последствия. Три формы власти обозначаются теми названиями, которые даны присущим им отличительным логикам – суверенной, дисциплинарной и регулирующей. Как и Фуко, мы используем слово «стратегии», чтобы указать на различные действия, которые являются преднамеренными и служат определенной цели, но

при этом несубъективны. Существуют стратегии власти, в соответствии с которыми и посредством которых субъекты целенаправленно занимают позиции, но которые сами по себе не являются продуктом какого-либо индивидуального или коллективного субъекта. Как и Фуко, мы обращаемся к *технологиям* в более широком смысле слова, имея в виду не только устройства, компьютеры, сети инженерно-технического обеспечения, коммутаторы и роутеры, но и способы организовывать и систематизировать действия и практики. Стратегии и технологии привели к появлению особых знаний, необходимых для их проработки и применения на практике, вроде некоторых *знаний*, что есть в научных дисциплинах (например в медицине) и *объектов* управления (например группы населения). Все формы власти осуществляются посредством *ассамблей*, таких как колонии, фабрики и организованные группы, которые запускаются в действие связными взаимоотношениями между технологиями, практиками, данными, методами, учреждениями, органами власти, профессиями и так далее. Наконец, ввиду того, что люди являются *подконтрольными субъектами по отношению* к власти, каждая форма власти вызывает различные *сопротивления* у людей как субъектов, *осознающих себя в структуре* власти¹¹, – таких как, например, восстание и бегство.

Ключевой момент для понимания трех форм власти состоит в том, как накопление капитала переплетено с накоплением подконтрольных людей. Читателей может удивить совместное упоминание этих двух словосочетаний в связи с формами власти, однако мы опираемся именно на мысли Фуко, который настаивал:

«Эти процессы – накопление людей и накопление капитала – не-отделимы друг от друга; невозможно было бы решить проблему накопления людей без роста производственного аппарата, способного их содержать и использовать; напротив, техники, делающие полезным кумулятивное множество людей, ускоряют накопление капитала»¹².

11 В работе «Субъект и власть» Фуко, рассматривая разновидности и причины сопротивления и противодействия, приводит два определения термина «субъект»: «Основная цель выступления – борьба не столько с тем или иным институтом власти, той или иной группой, тем или иным классом, той или иной элитой, – сколько с конкретной техникой или формой власти. Эта форма власти распространяется непосредственно на повседневную жизнь, что классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов. Существуют два смысла слова “субъект”: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработает и угнетает» (Фуко М. *Субъект и власть*. М., 2006 (<https://gtmarket.ru/library/articles/7373>)). Авторы настоящей статьи показывают разницу определений с помощью предлогов: «subject to power» – о подконтрольном субъекте, «subject of power» – о субъекте, осознающем себя в структуре власти. – *Примеч. перев.*

12 Он же. *Надзирать и наказывать*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 324.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Накопление подконтрольных субъектов (принуждение с целью сделать множества народов полезными, здоровыми и продуктивными) и накопление капитала (производство экономического, культурного и социального капиталов и превращение их в богатство) также требуют накопления знания (о субъектах и объектах в структуре власти), присущего данным формам власти. Для подобных связанных взаимоотношений необходимо, как Фуко не раз излагал¹³, чтобы власть функционировала и в негативном (жестокость, угроза, страх, жуткий ужас, пытка, отчаяние) и в позитивном ключе (желание, привлечение, соблазнение, возможность самореализации, надежда).

Все же несколько ключевых посылок из исследований Фуко вызвали разногласия. Мы схематично перечислим их и тем самым зафиксируем, что эти разногласия сейчас формируют наши представления о формах власти. Первое из них касается заявления, которое Фуко не раз повторял и которое цитировали некоторые наиболее проникательные его толкователи. Он часто заявлял, что суверенные формы власти всегда были ритуальными, дорогостоящими и насильственными. Нам кажется, что суверенная власть была значительно более распространена, чем Фуко предполагал. Способы, которыми суверенная власть принуждает к почтительному послушанию, обязательно или не всегда зиждутся исключительно на дорогостоящих и насильственных формах. Для осуществления власти в арсенале всегда есть негативные и позитивные репертуары, да и сама суверенная власть менялась с течением времени (мы подробнее остановимся на этом позднее).

Во-вторых, Фуко часто заявлял, что суверенные формы власти «быстро вышли из употребления и сменились тонкой, рассчитанной технологией подчинения»¹⁴. Это утверждение повторял и Жиль Делёз: он настаивал, что «общества дисциплины» уступали место «обществам контроля»¹⁵. Эти заявления о смене любой формы власти через вытеснение не подтверждаются нашими собственными исследованиями¹⁶. Мы не считаем, что формы власти выходят из употребления и просто сменяются новыми формами. Нам скорее хотелось бы уяснить, как новые формы власти артикулируются в существующих, как гнездятся в них некоторое время и, возможно, мутируют в новые формы. Порой Фуко описывал это как переход от одной формы власти к другой, с пересечениями, отголосками и взаимодействиями,

13 FOUCAULT M. *Power/Knowledge*.

14 IDEM. *Discipline and Punish...* P. 220.

15 DELEUZE G. *Control and Becoming* // IDEM. *Negotiations*. New York: Columbia University Press, 1990. P. 169–176; IDEM. *Postscript on Control Societies* // Ibid. P. 177–182.

16 ISIN E. *Being Political: Genealogies of Citizenship*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

однако предположение о смене через вытеснение оставалось практически неизменным. Как показал Джеймс Скотт¹⁷, все формы власти могли существовать в зачаточных или угнездованных формах с тех пор, как города, государства и империи стали формироваться в качестве организованных политико-территориальных образований. Однако мы ограничим свое внимание изучением лишь *современной* власти – с XVII века в Европе, – так как более глубокие и широкие генеалогии рисуют более сложную картину.

В-третьих, в исследованиях Фуко есть неявно выраженное, но ключевое утверждение, что современные формы власти, особенно способы субъективации¹⁸, симметричны. Это частично вытекает из тонкого замечания Фуко о том, что власть функционирует не только негативно, но и позитивно, и под влиянием этой мысли он сформировал представление, будто бы все акторы оказывают влияние на действия друг друга на равных условиях. В исследованиях Фуко несимметричности – которые сами по себе являются как продуктами, так и инструментом реализации властных отношений, например, класс, гендер и раса, – играют скорее двойственные роли¹⁹.

Последнее, на чем стоит остановиться и что частично следует из концентрации исключительно на современной власти в Европе: Фуко ограничил поле своих исследований «обществами, как у нас», совершенно упуская из виду тот факт, что «общества, как у нас» были сформированы путем господства, отчуждения собственности и угнетения «других обществ». Иными словами, как наглядно проиллюстрировал Вальтер Миньоло, современность и колониальность были двумя аспектами одного и того же процесса развития в разных формах власти, и упущение этого факта является важным ограничением исследований власти у Фуко²⁰. Империи экспериментировали на субъективированных народах, используя в колониях разнообразные стратегии и технологии власти, принятые в метрополии²¹. Мы не можем изолировать «общества, как у нас» от «обществ, как у них», и признание этого факта имеет существенные последствия для исследований власти.

Непросто разобраться в том, как Фуко формулировал, развивал и расширял свои исследования о формах власти в лекциях. Эти расшифровки опубликованы посмертно – и не вполне по-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

17 SCOTT J.C. *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. Yale Agrarian Studies. New Haven: Yale University Press, 2017.

18 *Subjectification* – то же, что *subjection*, то есть превращение в подконтрольный субъект. – *Примеч. перев.*

19 STOLER A.L. *A Colonial Reading of Foucault: Bourgeois Bodies and Racial Selves* // CISNEY V.W., MORAN N. (Eds.). *Biopower: Foucault and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. Ch. 16.

20 ISIN E. *Citizenship after Orientalism: An Unfinished Project* // *Citizenship Studies*. 2012. Vol. 16. № 5–6. P. 563–572.

21 МВЕМБЕ А. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

нятно, содержат ли они наброски и уточнения, помимо тех, что уже есть в напечатанных работах. Стюарт Элден и Томас Лемке детально изложили все моменты, в которых лекции и книги Фуко сходятся и расходятся²². Особенно подробно они осветили важные наблюдения из лекций «Нужно защищать общество», «Безопасность, территория, население» и «Рождение биополитики»²³. Мы не будем вдаваться в подробности этого непростого вопроса в рамках данной статьи, но мы не уверены, могут ли эти лекции разрешить четыре упомянутых выше противоречия. Таким образом, последующий набросок – это наши размышления о трех формах власти с целью предложить четвертую.

Сейчас мы хотим поразмышлять о пандемии коронавируса, чтобы проиллюстрировать, как каждая форма власти функционирует посредством нескольких стратегий и технологий, форм знаний и объектов управления. Мы уже отметили, как суверенная власть принуждает к почтительному послушанию (локдаун, комендантский час, политика сдерживания); дисциплинарная власть требует покорного подчинения (сакральные жертвы, дистанцирование, изоляция, наказания, санитарная культура и гигиенические навыки); а регулирующая власть калибрует воздействие послушания и покорности в соответствии со здоровьем групп населения (статистические показатели заражения, передачи, летальных исходов, выздоровления и иммунитета). Ниже мы подробнее рассмотрим каждую из этих трех форм власти в качестве подводки к нашей дискуссии о четвертой форме, которая, хоть и сплетена с первыми тремя, все же отличается от них на нынешнем этапе.

Что такое суверенная власть? Она охватывает примерно XVII и XVIII века. Рождение суверенной власти ассоциируется, с одной стороны, с рождением в Новое время империй современного типа, а с другой стороны, – с появлением государственных аппаратов, которыми эти империи управлялись. В этот период главной заботой суверенной власти все больше становились здоровье и богатство субъективированных народов. Европейские империи строились за счет накопления субъективированных народов, используя рабство, колонизацию коренных народов и заселение колоний. Если для каждого из этих процессов необходимо принуждать субъективированные народы к почтительному послушанию, то это также служило предпосылкой и катализатором для поиска более результа-

22 ELDEN S. *Foucault's Last Decade*. Cambridge: Polity Press, 2016; LEMKE T. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London: Verso, 2019.

23 FOUCAULT M. *Society Must Be Defended: Lectures at the College de France, 1975–76*. New York: Picador, 2003; ИДЕМ. *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France 1977–1978*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007; ИДЕМ. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978–1979*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.

тивных и экономически выгодных способов управления ими. Если ключевыми объектами управления были *территории*, которые управлялись технологиями заселения, насильственного изгнания и отчуждения имущества, то ключевые формы знания, известные под названием «политическая арифметика»²⁴, также развивались в соответствии со здоровьем и богатством субъективированных народов. Невозможно представить накопление торгового капитала без трансатлантической работорговли, а именно – без продажи африканских народов в колониальные поселения, без порабощения коренных народов и без насильственного выдворения «опасных народов» – изгоняемые со своей территории, эти «опасные народы» были вынуждены сами становиться переселенческими колониалистами. Если управляющие метрополии намеревались подчинять «опасные» группы населения жестокими мерами, то они управляли колониями путем масштабных захватов, передислокаций и отчуждений имущества. Как определил Фуко, суверенная власть – это та, что «заставляет умирать и позволяет жить»²⁵. Вскоре мы увидим обратное значение этой мысли.

Нельзя сказать, что, наблюдая за эффективным закрытием границ и ограничением передвижений, во время пандемии коронавируса мы стали свидетелями возвращения суверенной власти. Нельзя сказать, что она вернулась – потому что, в общем-то, она никуда и не уходила: просто ее осуществление больше не требует таких технологий власти, как упомянутые выше. Локдаун, комендантский час, заточение, регламентирование передвижений, пограничный контроль и общие ограничения мобильности субъективированных народов находятся в ряду других рутинизированных и институционализированных технологий, которые суверенная власть развивала в течение долгого времени. В действительности мы стали свидетелями более широкого распространения и развертывания суверенной власти во время пандемии коронавируса. Можно отметить, что Австрия²⁶, Новая Зеландия или Тайвань поспешнее всех закрыли границы, а Китай и вовсе захлопнул не только внешние, но и внутренние границы, ограждая и изолируя целые города. Но давайте не будем забывать, что и внешние и внутренние границы уже и так давно подвергнуты непосредственному контролю²⁷ на всех континентах, пусть и с разной интенсивностью в разных государствах. Это примеры того, как осуществление суверенной власти введено в повседневную, негласно очевид-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

24 PЕТТУ W. *Essays on Mankind and Political Arithmetic*. London: Cassell, 1888.

25 GROS F. *Is There a Biopolitical Subject? Foucault and the Birth of Biopolitics* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.* Ch. 13.

26 Так в оригинале. Судя по всему, опечатка – и имеется в виду Австралия. – *Примеч. ред.*

27 Дословно: «субъективированы для контроля». – *Примеч. перев.*

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

ную практику. Хотя суверенная власть стала со временем менее заметной, все же если понадобится принуждать субъективированные народы к почтительному послушанию, то почва для реактивации суверенной власти вполне готова. Границы как формы суверенной власти стали чем-то само собой разумеющимся; они принимаются и даже поощряются доминирующими группами, в то время как у других групп – например, у беженцев – границы ассоциируются с жестоким опытом и являются предметом споров и борьбы. Если жестокости границ и не признаны широко, то, возможно, лишь потому, что суверенная власть проявляет себя менее видимо – не только в смысле физической заметности, но и в том плане, что ее технологии вошли в повседневную практику и в мыслях, и в телах. Таким образом, мы не должны отождествлять невидимость и несуществование. Также нам не следует удивляться насажденному суверенной властью почтительному послушанию, несмотря на эпизодические рассредоточенные протесты, по большей части в США, но также и в других странах, как, например, в Германии или в Великобритании, где протестующие ставили под сомнение ограничения мобильности. Во время пандемии мы действительно увидели, насколько суверенная форма власти сплетена с другими формами власти, из которых она черпает силу, но от которых ее следует отделять в аналитических целях. В отличие от XVII и XVIII веков, суверенная власть в XXI веке не могла бы функционировать без *опоры на дисциплинарную и регулирующие формы власти*, которые, несомненно, способствуют ее невидимости.

Что такое дисциплинарная власть? С XVIII по XIX век мы свидетельствуем появление новой формы власти, которая производила действия над телом – его дисциплиной, его мощностью, его волей. Ключевым объектом является человеческое *тело*. Безусловно, суверенная власть также воздействовала на человеческое тело: такие жестокости, как клеймение темнокожих тел, зрелище пыток и насильственных перемещений, невзирая на губительные последствия, были широко распространены технологиями²⁸. Для накопления субъективированных народов необходимо осуществлять власть как право принимать решения о жизни и смерти тел²⁹.

И все же, как настаивает Фуко, «начиная с XVII века, эта власть над жизнью развилась в двух основных формах; однако эти формы не были полярно противоположными друг другу, скорее, они составляли два полюса развития, связанные между собой целым посредническим кластером взаимоотношений». По Фуко, дисциплинарная власть сформирована первой:

28 BROWNE S. *Dark Matters: On the Surveillance of Blackness*. Durham: Duke University Press, 2015.

29 FOUCAULT M. *The History of Sexuality...* P. 135.

«[Дисциплинарная власть сконцентрирована] вокруг тела как машины: его дисциплинирования, оптимизации его мощностей, выколачивания его силы, параллельного повышения его полезности и его послушной покорности, его интеграции в системы эффективного и экономически выгодного контроля»³⁰.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Это было «анатомио-политикой человеческого тела», где оптимизация телесных мощностей ради производства постепенно стала первоочередной задачей. Это могло начаться в казармах (у солдат) или на кораблях (у рабов), но дисциплинарная власть шаг за шагом производила ярко выраженные ассамбляжи, где технологии власти и формы знания сочетались во имя создания тел, оптимизированных для производства. В течение последующих трех веков дисциплинарная власть породила поликлинники, тюрьмы, больницы, школы, рабочие дома, лагеря – и, со временем, тренажерные залы, магазины, разнообразные студии и прочие ассамбляжи, где формы знания содействовали в людском самоуправлении.

Дисциплинарная власть шаг за шагом производила ярко выраженные ассамбляжи, где технологии власти и формы знания сочетались во имя создания тел, оптимизированных для производства.

Просто задумайтесь, как мы все коллективно стали экспертами в анатомо-политике наших собственных тел во время пандемии коронавируса. Мы не только ежедневно следили за медицинскими новостями о вирусе и способах заражения, но также усвоили предписания и предостережения, как вести себя безопасным для других людей образом. Нам посоветовали принести в жертву нашу повседневную жизнь и изолироваться, чтобы спасти и сохранить себя, других людей и системы общественного здравоохранения. За удивительно короткий срок мы развили новые формы поведения: мы защищаем себя и друг друга, соблюдая физическую дистанцию, закрывая лицо и регулируя наши контакты. Мы развили поразительно ритуализированные гигиенические практики по дезинфекции самих себя. Мы осуществляли все те формы покорного подчинения, к которым призывает дисциплинарная власть, так как субъективированные народы беспокоятся о собственном и чужом здоровье и безопасности. *Если мы следовали правилам заточения, наложенным суверенной властью, почтительно-*

30 Ibid. P. 139.

послушно, то правилам безопасности, к которым призывала дисциплинарная власть, мы следовали покорно-подчиненно. Пандемия акцентировала наше внимание на том, что мы ощущаем на себе воздействие этих двух форм власти одновременно. Мы, наши тела, осознали, как эти две формы власти – суверенная и дисциплинарная – зависят друг от друга и работают сообща. При обычных обстоятельствах ни одна из этих форм власти не была бы заметной. В текущей же ситуации они оказываются на виду. Без тени иронии нуждающимся в помощи были предложены практические руководства по тому, как заново научиться общению с людьми после заточения³¹.

Нам кажется, что сконцентрированность Фуко на проекте паноптической тюрьмы Иеремии Бентама точно отражает отношение между суверенной и дисциплинарной властью, и это отношение регулировалось наказанием: денежные штрафы, взимаемые платежи, сертификаты, разрешения и удостоверение личности были мобилизованы для отделения тех, кто успешно откликнулся на запросы суверенной власти, придерживаясь дисциплины, от тех, кто этого не делал. Фуко замечает, однако, что дисциплинарная власть медленно, но верно вступает в связь с другой формой власти, которая на нее влияет. Это третья форма власти, которая казалась проблематичной и беспокоила Фуко во второй половине 1970-х и в последующих исследованиях. Изначально Фуко обозначил ее как «биовласть», а сопряженное с ней осуществление власти назвал «биополитикой». Чтобы облегчить анализ, опуская часть проблем, мы предпочитаем называть ее регулирующей формой власти по причинам, описанным ниже.

Что такое регулирующая власть? С XIX по XX век мы наблюдали появление власти, одновременно тотализирующей [всеобъемлющей. – Примеч. перев.] и индивидуализирующей:

«[Это регулирующая власть], сконцентрированная на теле биологического вида (населения); тело пронизано механиками жизни и служит основой биологических процессов: продолжения рода, рождаемости и смертности, уровня здоровья, ожидаемой продолжительности жизни и долголетия, с учетом всех состояний здоровья, которые могут повлиять на эти параметры. Надзор за этими факторами принимал форму целого ряда вмешательств и способов регулирующего контроля: биополитики населения»³².

Используя слово «население» как синоним «биологического вида», Фуко отмечает:

31 *Social Distancing: A Practical Guide to How to Socialise in England Now* // BBC News Online. 2020. May 30 (<https://bbc.in/3gtwjbx>).

32 FOUCAULT M. *The History of Sexuality...* P. 139.

«[Появилась] эта невероятная биполярная технология: анатомическая и биологическая, индивидуализирующая и конкретизирующая, направленная на регулирование деятельности тела, с вниманием к жизненным процессам – и эта технология характеризует власть, перед которой, возможно, больше не стоит задачи убивать, но высшей функцией которой является инвестирование в жизнь любым возможным образом»³³.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Это позволило Фуко увидеть ключевую взаимосвязь между дисциплинарной и регулирующей формами власти. Каждая из них зависит от другой, но сейчас дисциплинарная власть функционирует успешнее как позитивная сила, нежели негативная. Хотя сам Фуко никогда не использовал этот термин, нам кажется, что для определения этого взаимозависимого отношения вполне подходит слово «калибровка». То, что исполняет регулирующая власть, является стратегией калибровки: она мобилизует формулирование и/или предписывание надлежащих форм поведения для тел, которые необходимы или создают условия для функционирования здоровья и богатства населения. Что особенно важно, регулирующая власть калибрует поведение тел не с помощью выговоров и наказаний за неподчинение требованиям (хотя связь между суверенной и дисциплинарной властью продолжает функционировать), а путем убеждения, направляющего руководства, задабривания и подталкивания тел к убеждению, что их здоровье и богатство напрямую зависят от подчинения власти. Тела сами себя дисциплинируют как субъекты, несущие ответственность за собственное и всеобщее благо.

Мы не можем придумать лучшей иллюстрации для этого процесса, чем крайне упрощенная по структуре и смыслу метрика, ставшая символом текущей пандемии: индекс репродукции, число R . Как объясняли на официальных и медийных сайтах, R – это индекс, показывающий, сколько тел заражает каждое тело или как вирус воспроизводится³⁴. Если некое тело заражает три тела, то репродукция в три раза выше, чем если бы это тело заражало только одно другое тело. Логика калибровки тут состоит в следующем: если данное тело идентифицировано, уединено и изолировано, то его вред населению нейтрализован. В одной из британских правительственных рекламных кампаний R -индекс был показан на графике в форме спидометра, на котором отмечался актуальный на тот момент темп распространения инфекции; реклама увещевала людей «оставаться начеку, чтобы сохранять низкий уровень R -индекса». Как только эпидемиология осуществляет свою функцию по калибровке тел по группам населения, медицина

33 Ibid.

34 COOKSON C. *R Number: The Figure that Will Determine when Lockdown Lifts* (<https://on.ft.com/3b3tagb>).

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

может осуществлять свою функцию по лечению отдельных, индивидуальных тел и по инвестированию в их жизнь. Немало было сказано и сделано относительно концепции коллективного иммунитета, который в теории должен быть приобретен после того, как многие переболеют и затем успешно вылекутся от коронавируса. Что такое, в сущности, коллективный иммунитет, если не реализация суверенного права на решение о жизни и смерти народов, особенно когда постепенно стало очевидно, что пожилые, физически слабые, бедные, социально не защищенные, а также темнокожие тела погибали в несопоставимо большей степени? Если суверенная власть «заставляет умирать и позволяет жить», как мы видели выше, то регулирующая власть «заставляет жить и позволяет умирать»³⁵.

Чтобы вернуться к взаимосвязи между накоплением субъективированных народов и накоплением капитала (или к взаимосвязи между здоровьем и богатством населения), мы проследили напряжение во время пандемии коронавируса, выраженное в виде взаимовыгодного обмена с компромиссными уступками между здоровьем и экономикой. Когда суверенная власть (пере)запустит экономику? Каков взаимовыгодный обмен с компромиссными уступками между жизнями и источниками заработка?³⁶ Если накопление субъективированных народов и вправду вызывает накопление капитала и накопление знания, то при анализе форм власти необходимо держать в поле зрения все три процесса, поскольку они переплетены и взаимосвязаны. Более того, наряду с существованием разных форм знания и субъективированных народов, капитал необходимо понимать и рассматривать в разных формах (экономической, культурной, символической), как настаивал Пьер Бурдьё³⁷.

В этом кратком обзоре мы упустили, как действуют пересечения и динамика между разными формами власти и как каждая из них зависит от определенных аспектов другой во время пандемии коронавируса. Наша цель – с одной стороны, представить общий, исторически обоснованный обзор форм власти и их одновременного существования, а с другой стороны, показать, как развитие и внятное формулирование новой формы власти лишь усилило сложность и многогранность уже существующих форм власти. Наш схематический обзор трех форм власти наверняка вызовет множество возражений. Мы понимаем, что вопросы власти, в особенности биовласти, вызвали множество возражений относительно ее функций, эффектов и

35 GROS F. *Op. cit.*

36 *Covid-19 Presents Stark Choices between Life, Death and the Economy* // The Economist. 2020. April 4 (<https://econ.st/3gzdfc7>).

37 BOURDIEU P. *The Forms of Capital* // RICHARDSON J.G. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1983. P. 241–258.

трансформаций³⁸. Концепции биополитики и биовласти блестяще раскрыты Ашилем Мбембе, Джорджо Агамбеном, Яном Хакингом, Майклом Хардтом и Антонио Негри, Николасом Роузом, Роберто Эспозито и Томасом Лемке³⁹. И все же, как недавно показали Пол Рабинов и Николас Роуз⁴⁰, каждый исследователь рассматривал биовласть в определенной перспективе и результаты исследований не складываются в однозначную картину. Рабинов и Роуз настаивают, что если биовласть и биополитика должны сохранять аналитический потенциал, то нам необходимо включать как минимум три элемента: формы знаний о жизни; стратегии, которые вмешиваются в чужие дела во имя жизни, и способы субъективации, посредством которых люди инвестируют в собственные жизни. Используя одновременно тотализацию и индивидуализацию как ключевой аналитический инструмент, они демонстрируют, как действует биовласть, используя отношения между телами и группами населения в качестве основы для регулирования – и одновременно регулируя сами эти отношения. В этом заключается наше широкое понимание регулирующей власти. Тем не менее термины «биовласть» и «биополитика», начиная со схематичных исследований Фуко, свели воедино взаимоотношения между суверенной и дисциплинарной властью и между дисциплинарной и регулирующей властью. Как показывает анализ Пола Пэттона⁴¹, очень сложно представить, как биополитика вмешивается сразу на уровне групп населения, а не через индивидуальные тела, без какого-либо посреднического механизма между ними. Фредерик Гро пронизательно предостерегает от использования лекций Фуко о биополитике в качестве исчерпывающего анализа и показывает, что Фуко сместил фокус внимания на изучение рациональности управления и публичной власти в широком понимании⁴².

И все же вполне возможно, что ровно в то время, как эти исследования были опубликованы, а аналитика событий и процессов с 1980-х проводилась с помощью концепций биовласти и биополитики, четвертая форма власти уже назревала и прописывалась. Иными словами, пока исследования современной власти пытались разместить новые явления и процессы,

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

38 CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.*

39 МБЕМБЕ А. *Necropolitics*. Durham: Duke University Press, 2019; АГАМБЕНО Г. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998; ХАКИНГ И. *Biopower and the Avalanche of Printed Numbers* // *Humanities in Society*. 1982. № 5. P. 279–295; ИДЕМ. *The Taming of Chance*; ХАРДТ М., НЕГРИ А. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 2000; РОЗЕ Н. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press, 2006; ЭСПОЗИТО Р. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; ЛЕМКЕ Т. *Biopolitics...*

40 РАБИНОВ П., РОЗЕ Н. *Biopower Today* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.* Ch. 15.

41 ПАТТОН П. *Power and Biopower in Foucault* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.) *Op. cit.* Ch. 5.

42 ГРОС Ф. *Op. cit.*

как, например, развитие приложений, устройств и платформ, в генеалогической последовательности, уже известной под различными названиями – «алгоритмическая правительность», «вычислительный капитализм» или «век алгоритмов»⁴³, – новое важное явление могло разворачиваться в настоящем. Как мы подчеркнули ранее, это явление скорее всего оставалось смутно видимым и трудно артикулируемым – и так было до коронавирусной пандемии. Нам кажется, что задача настоящего времени – попытаться исследовать четвертую форму власти в исторической перспективе, что позволит нам рекурсивно переосмыслить три других.

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ ВЛАСТИ?

Важнейшим аспектом в осуществлении суверенной власти являются объекты, задействованные между телами и группами населения. Как нам кажется, рождение сенсорной власти сигнализирует, что власть не так уж биполярна, как считал Фуко: индивидуализирующая и конкретизирующая, анатомическая и биологическая, или молярная⁴⁴ и молекулярная. Отслеживание деятельности тел со вниманием к жизненным процессам с неизбежностью повлекло за собой сегментирующее разделение групп населения на «типы» народов, как называл это Хакинг⁴⁵. Фуко предвидел, что дисциплинарная и регулирующая формы власти «связаны между собой целым посредническим кластером взаимоотношений»⁴⁶, но он не конкретизировал, из чего такие посреднические кластеры связанных взаимоотношений состоят. Какого рода эти типы связанных взаимоотношений между телами и группами населения? Какие типы власть стягивает воедино?⁴⁷ Как сами группы населения разделены на типы, если функции различных типов нахлещтываются и пересекаются? Если смотреть через призму взаимоотношений между регулирующей властью и дисциплинарной властью, типы были произведены как класс, гендер и раса. Но могли появиться и новые кластеры посреднических отношений, которые не были видимыми и артикулируемыми сорок лет назад, когда Фуко, Делёз и

43 См.: AMOORE L. *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham: Duke University Press, 2020; ROUVROY A. *The End(s) of Critique: Data Behaviourism versus Due Process* // HILDEBRANDT M., VRIES K. DE (Eds.). *Privacy, Due Process and the Computational Turn: The Philosophy of Law Meets the Philosophy of Technology*. Abingdon: Routledge, 2013. P. 143–167; ROUVROY A., BERNIS T. *Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation* // *Reseaux*. 2013. Vol. 177. № 1. P. 163–196; STIEGLER B. *The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2019. Ch. 1. Article 4.

44 От слова «моль» – единицы измерения количества вещества. – *Примеч. перев.*

45 HACKING I. *Making up People* // ИДЕМ. *Historical Ontology*. Cambridge: Harvard University Press, 2002; ИДЕМ. *Kinds of People: Moving Targets* // *Proceedings of the British Academy*. 2007. Vol. 151. P. 285–318.

46 FOUCAULT M. *The History of Sexuality...* P. 139.

47 *Assemble*, однокоренное с «ассамбляж». – *Примеч. перев.*

их последователи писали свои исследования. События, произошедшие с тех пор, и разворачивающиеся процессы, особенно в начале 2020 года, дают основание полагать, что мы можем выделить новую форму власти, стягивающую воедино «посреднический кластер связанных взаимоотношений». Пусть сам Фуко и не давал определения слова «кластеры», мы предполагаем, что *кластеры – это посреднические объекты управления между телами и группами населения, которые задействует новая форма власти и которыми она управляет посредством сенсорных ассамбляжей*. Иными словами, мы хотим предположить, что сенсорные ассамбляжи, частью которых являются интегрированные приложения, устройства и платформы, задействуют особые объекты управления – кластеры. Хотя может показаться, что этот термин будет релевантным исключительно в контексте пандемии коронавируса, эпидемиологических моделей и вокабуляра, доминирующего в общественных обсуждениях, также важно помнить, что Фуко изначально прорабатывал концепции дисциплинарной и регулирующей форм власти с пристальным вниманием к реагированию на эпидемии, как было показано в недавней публикации⁴⁸. В любом случае, когда мы ссылаемся на кластеры, мы подразумеваем широкое понимание этого слова.

Все же прежде, чем мы обсудим кластеры как объекты управления, мы хотим остановиться на сенсорных ассамбляжах, поскольку именно они приводят к появлению кластеров. Наша формулировка сенсорных ассамбляжей может показаться резонирующей с тем, как Делёз использует идеи Фуко и их рецепцию⁴⁹, особенно в исследованиях науки и технологий⁵⁰. Пол Пэттон⁵¹ уже нашел аналитическое применение столь же схематичному анализу обществ контроля у Делёза⁵². Оставляя за скобками предположения, в которых мы уже усомнились – о том, что общества дисциплины уступали место обществам контроля или заменялись ими; или о том, что биополитика вмешивается без каких-либо посреднических механизмов, – Пэттон тем не менее приводит весьма уместные наблюдения о том, как общества контроля скорее ориентировались на технологии модуляции тел, чем на их наказание или дисциплинирование, и в связи с этим создавали новые ассамбляжи. Мы полагаем, что новые исследования политики данных, пре-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

48 *Coronavirus and Philosophers*. M. Foucault, G. Agamben, S. Benvenuto // *European Journal of Psychoanalysis* (<https://bit.ly/2V7fJkk>).

49 DELEUZE G. *Foucault*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. 32–41; DELEUZE G., GUATTARI F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. Ch. 11, 12.

50 BARRY A. *Technological Zones* // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. № 2. P. 239–253.

51 PATTON P. *Philosophy and Control* // ВЕСКМАН F. (Ed.). *Control Culture: Foucault and Deleuze after Discipline*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. Ch. 11.

52 DELEUZE G. *Control and Becoming*; IDEM. *Postscript on Control Societies*.

имущественно вдохновленные Фуко и Делёзом, начали двигаться скорее в ином направлении⁵³. Иными словами, новые исследования политики данных доказывают – по крайней мере, на наш взгляд, – что «общества контроля» являются скорее продолжением «обществ дисциплины» и управляются с помощью новых технологических средств, например, с помощью биометрического распознавания, автоматизированного негласного наблюдения, алгоритмического управления и цифрового шпионажа. Мы считаем, что сенсорная власть – это родственная, но отдельная форма власти, отличающаяся по значению от того смысла слова «контроль», который мы вкладываем в фразу «общества контроля».

Очевидно, мы не заинтересованы в провозглашении зари или века «сенсорных обществ». Нам предстоит трудная задача: нужно принять во внимание эти исследования политики данных, найти в них новую значимость посредством обрисованных здесь методов анализа власти, а затем прояснить, как четвертая форма власти угнездилась в других формах власти, но стала видимой среди них во время пандемии коронавируса. Это задача не из легких. Мы не сможем осуществить это без необходимого тщательного анализа. Тем не менее мы предлагаем наблюдения и предположения, как развивались новые ассамбляжи сенсорной власти и как пандемия делает их видимыми.

Все формы власти работают через ассамбляжи, которые задействуют объекты ассамбляжей посредством бесчисленных технологий и взаимоотношений: суверенная власть управляет территориями через ассамбляжи, которые задействуют колонии, доминионы, регионы (картография, карты, топографы, границы); дисциплинарная власть управляет телами через ассамбляжи, которые составляют тюрьмы, лагеря, больницы, фабрики, школы, рабочие дома (архитектура, стены, ограждения, стража, ворота), и регулирующая власть управляет группами населения через ассамбляжи, которые задействуют атрибуты, категории и классификации, такие как класс, гендер и раса (административные записи, перечисления). Таким же образом, как было отражено в таблице выше, сенсорная власть управляет кластерами через новые ассамбляжи, которые составляют приложения, платформы и устройства (программное обеспечение, передатчики, код, протоколы).

53 AMOORE L. *Algorithmic Life: Calculative Devices in the Age of Big Data*. Abingdon: Routledge, 2015; BECKMAN F. (Ed.). *Op. cit.*; FULLER M. *How to Be a Geek: Essays on the Culture of Software*. Cambridge: Polity, 2017; FULLER M., GOFFEY A. *Evil Media*. Cambridge: MIT Press, 2012; GALLOWAY A. *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. Cambridge: MIT Press, 2006; GALLOWAY A., THACKER E. *The Exploit: A Theory of Networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007; MACKENZIE A. *The Production of Prediction: What Does Machine Learning Want?* // *European Journal of Cultural Studies*. 2015. Vol. 18. № 4–5. P. 429–445; IDEM. *Machine Learners: Archaeology of a Data Practice*. Cambridge: The MIT Press, 2017.

При том, что сенсорная власть работает через сенсорные ассамбляжи, которые задействуют ее объекты управления, мы не думаем, что это означает, будто новая форма власти заменяет существующие формы: она скорее артикулируется вместе с ними / в них. Таким образом, новую форму власти стоит искать угнезданной в существующих формах, но тем не менее мобилизующей новые стратегии и технологии. Однако, чтобы сформулировать, что такое сенсорная власть, нам нужно для начала обсудить, как сенсорные ассамбляжи производят кластеры. В недавней работе мы выдвинули пять предположений о кластерах на основе нашего анализа переписей населения, производившихся в империях, а также нынешнего развертывания больших данных и методов анализа для управления постколониями⁵⁴. Мы будем и дальше ссылаться на эти пять предположений. Здесь мы разовьем эти идеи и приведем примеры в контексте осуществления власти во время пандемии коронавируса. Все нижеследующие предположения в какой-то степени можно применить и к суверенной, и к дисциплинарной, и к регулирующей формам власти, однако они имеют ключевое значение для стратегий сенсорной власти и способов ее функционирования. Мы надеемся, что по мере объяснений эти процессы станут понятнее.

Кластеры – это относительные объекты. Во время пандемии коронавируса принципиально новые объекты управления стали видимыми и артикулируемыми. Мы видели упоминания разных сущностей, например, «горячие точки»⁵⁵, эпицентры и «пузыри» социального взаимодействия⁵⁶. Конечно, они были связаны с распространением коронавируса, но подразумевалось, что по ним можно будет показать, как тела – либо зараженные, либо здоровые – связаны друг с другом. «Пузыри», «горячие точки» и эпицентры получались так: тела контактировали с неким состоянием (зараженный, здоровый) и тем самым становились объектом интереса для управляющей власти. Этот интерес не про поимку, наказание или дисциплинирование тел, а про идентифицирование и предоставление средств, с помощью которых тела могут модулировать свое поведение и образ действий с желательными результатами. Модуляция отличается от технологий корректировки, свойственных регулирующей власти, ведь последние работают только

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
ДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

54 ISIN E., RUPPERT E. *Data's Empire...* (Также см.: МВЕМВЕ А. *On the Postcolony.* – Примеч. перев.)

55 Места с высоким риском заражения коронавирусом. – Примеч. перев.

56 *Coronavirus: Wuhan in First Virus Cluster since End of Lockdown* // BBC News Online. 2020. May 11 (<https://bbc.in/3fzKAyF>); CHAN J.F.-W., YUAN S., KOK K.-H. ET AL. *A Familial Cluster of Pneumonia Associated with the 2019 Novel Coronavirus Indicating Person-To-Person Transmission: A Study of a Family Cluster* // *The Lancet*. 2020. Vol. 395. P. 514–523; *The Dangers of Cramped Coronavirus Hotspots* (<https://on.ft.com/2xpeLY2>); MASON R. «Social Bubbles» of Small Groups Could Be Early Step out of UK Lockdown // *The Guardian*. 2020. April 29 (<https://bit.ly/2SiKWzG>).

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

посредством таких форм знания, как статистика. Напротив, управление кластерами включает в себя непрерывное отслеживание деятельности в реальном времени, благодаря чему решения и вмешательства могут быть выработаны безотлагательно за счет сокращения времени между идентификацией и действием. Это различие можно рассмотреть на примере того, как собрания тел для отмечания праздников, рейвов и пляжных вечеринок вызвали новые опасения у органов правопорядка по поводу дисциплины и наказания во время ослабления режима самоизоляции в Великобритании и во Франции летом 2020 года⁵⁷. Кластеры, объекты сенсорной власти, не просто существуют как физические собрания тел – они являются связующими взаимоотношениями; а сенсорные ассамбляжи в свою очередь являются связующими взаимоотношениями между инфицированными и здоровыми телами. Сенсорные ассамбляжи, которые производят кластеры, включают в себя взаимоотношения между человеческими и нечеловеческими акторами, включая устройства, сенсоры, платформы, практики, данные и методы, учреждения, органы власти, технических работников и профессионалов в органах управления, корпорациях и некоммерческих организациях. Пусть (пока что) не все устройства, составляющие сенсорные ассамбляжи, являются полностью цифровыми – это хорошо видно на примере того, как программы отслеживания контактов требуют задействования медицинского персонала и аналоговых практик, – для обнаружения, тестирования и отслеживания тел необходимы частый сбор, хранение и передача данных разнообразными агентами и органами власти. Наряду с локдауном, дистанцированием и изоляцией обнаружение инфицированных субъектов, отслеживание тех субъектов, которые потенциально физически контактировали с инфицированными, и сигнальное оповещение обоих кластеров о необходимости изолироваться требует применения целесообразных технологий власти.

Что же касается приложений по прослеживанию и отслеживанию – мы видели, как они влекли за собой конкурентную борьбу внутри и между государствами, международными организациями и транснациональными корпорациями. Это существенно отличается от того сценария, когда у государств была виртуальная монополия на знание о собственных субъектах. Сейчас же технологические компании распоряжаются этим знанием и напряженно борются друг с другом за гегемонию. Но борьба также идет и между различными соревнующимися профессиями, включая эпидемиологов, статистиков, исследователей данных, программистов, разработчиков приложений,

57 BLAND A., PARVEEN N., DODD V. ET AL. *Hardline Policing May Provoke Civil Unrest, Government Warned* // The Guardian. 2020. June 26 (<https://bit.ly/385rl7i>).

специалистов по безопасности, методологов и так далее, чья экспертиза пересекает национальные границы. Пусть (пока что) не все сенсорные ассамбляжи являются полностью цифровыми, они тем не менее включают в себя разнообразные цифровые технологии – такие как спутники, центры хранения и обработки данных, передатчики, приемники и мобильные устройства, – а также методы анализа, такие как алгоритмы, машинное обучение и облачные вычисления⁵⁸. Рассмотрим, к примеру, доклады о мобильности, создававшиеся «Apple», «Google» и «Facebook». Используя глобальные связные взаимоотношения между человеческими и нечеловеческими акторами, компании аккумулировали данные о числе заражений и смертей, что в итоге послужило информационным источником для развития набора приложений для обнаружения и отслеживания⁵⁹. Здесь мы можем увидеть, как обнаружение и отслеживание ни в коей мере не ограничены исключительно болезнью, но также связаны и с другими формами поведения – например, с тем, что люди смотрят, слушают, читают, как коммуницируют и так далее. Посредством этих форм поведения люди выстраивают взаимоотношения, которые могут быть задействованы в виде кластеров. Хотя, как показала практика, задействование и контролирование кластеров с целью поддерживать накопление субъективированных народов (здоровья) и накопление капитала (богатства) – крайне трудно реализуемая задача, все же развитие приложений о коронавирусе сделало видимой форму власти, объектом которой являются кластеры. А это значит, что кластеры как объекты власти – это не что-то принципиально новое и появившееся исключительно ввиду коронавируса; кластеры связаны с сенсорными ассамбляжами и уже используются в различных областях торговли и управления.

Кластеры – это множественные объекты. Если сенсорные объекты приумножают, распространяют и воспроизводят кластеры, то как люди становятся связанными? Кластеры не только лишь представляют собой новые репрезентации «старых» групп населения. Кластеры не наносят на карту – для осуществления регулирующей власти – группы населения, составленные по большей части органами государственной власти для собственных нужд. За шесть месяцев коронавирус пересек границы и репродуцировался на территории более

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

58 Облачные вычисления – модель обеспечения удобного сетевого «доступа по требованию» к некоторому общему фонду конфигурируемых вычислительных ресурсов, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к провайдеру. – *Примеч. перев.*

59 *Mobility Trends Reports* (www.apple.com/covid19/mobility); *Data for Good: Disease Prevention Maps* (<https://dataforgood.fb.com/tools/disease-prevention-maps/>); *Covid-19 Community Mobility Reports* (www.google.com/covid19/mobility/).

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

чем двухсот государств, несмотря на то, что органы власти закрывали границы с различной степенью интенсивности. При кросснациональных сопоставлениях совершенно теряется тот факт, что государствам лишь самую малость удалось контролировать сквозную, трансграничную репродукцию коронавируса. В то же время ровно таким же образом сенсорные ассамбляжи распространяли, приумножали, адаптировали и видоизменяли кластеры. Чтобы понять это, необходимо увидеть, как сенсорные ассамбляжи производили олицетворяющие их объекты. Именно по этой причине данные можно понимать как агента внутри сенсорных ассамбляжей, ради которого они могут претерпевать изменения – в зависимости от рассредоточенных и сквозных, трансграничных взаимосвязей. Когда данные о кластерах появляются благодаря сенсорным ассамбляжам из экспертов, методов, технологий, организаций, практик, органов власти, субъектов и так далее, эти данные не попадают под строгий контроль или сильное влияние ни одного из них. Именно за счет циркуляции и переориентирования сенсорные ассамбляжи отрываются от органов власти, которые их скомпоновали, а затем оказываются задействованными – и воздействуют как на объекты, так и на субъектов миллиардом возможных способов. Стоит иметь в виду, что не только кластеры инфицированных и тех, кто с ними контактировал, пересекают границы, но также и различные комбинации стратегий и технологий, знаний и всех актантов и акторов, из которых состоят множественные кластеры (сети, ассоциации, взаимосвязи), которые в свою очередь неизбежно пересекают границы национальных государств.

Кластеры – это текучие объекты. Обычная статистика населения традиционно включает в себя социодемографические категории и сбор данных путем объединения самостоятельно составленных отчетностей, в которых используются различные методы для отнесения людей к тем или иным категориям⁶⁰. Как показали наблюдения Хакинга⁶¹, создание таких категорий приводит к «новым жестким концептуализациям человеческого существования». Напротив, сенсорные ассамбляжи задействуют кластеры, основанные скорее на деятельности тел, чем на вменении категорий и классификаций. В отличие от категорий, кластеры возникают в результате применения таких методов анализа, как машинное обучение или алгоритмы: эти методы не выявляют ассоциации между существующими переменными, а обнаруживают многомерные структуры и закономерности среди «сотен и, в некоторых случаях, десятков тысяч переменных и выборок большого объема, исчисляемых мил-

60 RUPPERT E. *Population Objects: Interpassive Subjects* // *Sociology*. 2011. Vol. 45. № 2. P. 218–233.

61 HACKING I. *Making up People*; IDEM. *Kinds of People...*

лионами и миллиардами единиц данных»⁶². Различия – это не статистические «переменные». Они выводятся из комбинации атрибутов разных «форм данных (текста, изображений, видео, транзакций, сенсорных датчиков), а не только из переменных, измеренных с использованием классических статистических таблиц с данными из опросов, анкетирования и случайной выборки»⁶³. Хотя переменные также могут быть разнообразными, ключевое отличие от традиционного статистического производства групп населения состоит в том, что регистрируются множественные формы поведения – иными словами, то, что люди делают; к примеру, передвижения и поступки (транзакции, выборы, высказывания, взаимодействия), причем исследовательский запрос сфокусирован не на индивидуальных факторах, влияющих на поведение, а на совокупных закономерностях и взаимосвязях: на заражении, распространении, влиянии, ассоциации и так далее⁶⁴. Именно ввиду постоянного обнаружения, отслеживания, мониторинга и модуляции можно сказать, что кластеры – как результат работы сенсорных ассамбляжей – являются скорее текучими (и динамичными), чем твердыми (и статичными) объектами управления. Если кластеры воспринимаются как нечто текучее и динамичное, то как они воспринимаются визуально?

Кластеры – это визуализированные объекты. Как и суверенная, дисциплинарная и регулирующая формы власти, сенсорная власть работает через визуализации. Каждая форма власти произвела свой режим визуализаций: от картографии до анатомических диаграмм и статистических графиков, однако визуализация сенсорных ассамбляжей послужила предпосылкой и катализатором для появления принципиально новых воображаемых образов и техник репрезентации. Если Эдвард Тафти настаивал на том, что визуализация может быть техникой «для рассуждений о статистической информации», которая «раскрывает данные» и может быть более «точной, чем традиционные статистические вычисления»⁶⁵, так и Стивен Фью операционализировал логику визуализаций, придумав дашборды⁶⁶. Миллионы точек данных, из которых состоят сенсорные ассамбляжи, мобилизовали визуализации не просто как репрезентацию, а как ключевую технику, с помощью которой специалисты делают данные видимыми, чувственно ощутимыми

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

62 MACKENZIE A. *The Production of Prediction...* P. 434.

63 Ibid. P. 433.

64 RUPPERT E., LAW J., SAVAGE M. *Reassembling Social Science Methods: The Challenge of Digital Devices* // *Theory, Culture & Society*. 2013. Vol. 30. № 4. P. 22–46.

65 TUFTE E. R. *The Visual Display of Quantitative Information*. Cheshire: Graphics Press, 1983. P. 9, 13.

66 FEW S. *Information Dashboard Design: The Effective Visual Communication of Data*. London: O'Reilly, 2006. (Дашборд – визуальный отчет, где на одной «доске» отображаются разные, но связанные по смыслу графики. – Примеч. перев.)

и артикулируемыми⁶⁷. Эти визуализации выявляют невидимые закономерности и включают в себя интерактивные элементы и дашборды, которые позволяют увидеть результаты сочетания различных данных в характеристиках населения. Мы предполагаем, что дашборды стали основной технологией управления, как картография, анатомия и схемы с графиками. Повсеместность использования дашбордов уже становилась предметом научных исследований⁶⁸. Как бы то ни было, если посмотреть на все, казалось бы, точные картографические репрезентации, доминирующие среди общедоступных визуализаций о пандемии коронавируса – как, например, те, что представлены на дашборде Университета Джона Хопкинса, – то мы заметим: все, что они предлагали, особенно в начале 2020 года, это достаточно простые данные и статистика, нанесенные на карту с учетом государственных границ⁶⁹. Схожим образом несколько других дашбордов также можно назвать скорее простенькими, содержащими лишь базовую информацию⁷⁰. И все же выборка, искусно подобранная Нилом Пателем⁷¹, показывает, что наработки по развитию дашбордов о коронавирусе продолжают. Тем не менее уже существуют гораздо более сложные дашборды, как, например, те, что создаются для финансовых (рынков, транзакций) или транспортных систем (железных дорог, воздушного и морского транспорта), военных операций и организации информации о футбольных или иных спортивных состязаниях⁷². Также стремительно развиваются дашборды в таких сферах, как миграция и охрана правопорядка, где дашборды были задействованы для управления передвижениями и для контроля над преступностью⁷³. Как утверждают Китчин и МакАрдл⁷⁴, изначально большинство городских дашбордов использовали традиционные данные, сгенерированные за определенные периоды, однако за последние годы они продвинулись настолько,

67 MACKENZIE A. *The Production of Prediction...* P. 437.

68 KITCHIN R., LAURIAULT T.P., McARDLE G. *Knowing and Governing Cities through Urban Indicators, City Benchmarking and Real-Time Dashboards* // *Regional Studies, Regional Science*. 2015. Vol. 2. № 1. P. 6–28; KITCHIN R., McARDLE G. *Urban Data and City Dashboards: Six Key Issues* // KITCHIN R., LAURIAULT T.P., McARDLE G. (Eds.). *Data and the City*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 111–126; MATTERN S. *Mission Control: A History of the Urban Dashboard* // *Places Journal*. 2015. March (<https://doi.org/10.22269/150309>).

69 *Covid-19 Dashboard*. Center for Systems Science and Engineering (<https://coronavirus.jhu.edu/map.html>).

70 *Covid-19 Dashboard* (<https://bit.ly/2lcpggx>); THORLUND K., DRON L., PARK J. ET AL. *A Real-Time Dashboard of Clinical Trials for Covid-19* // *The Lancet Digital Health*. 2020. April 24 (<https://bit.ly/35NPt2D>); *Coronavirus (Covid-19) Cases in the UK*. Government of the United Kingdom (<https://bit.ly/2WiRSPn>); *Who Coronavirus Disease (Covid-19) Dashboard*. World Health Organization (<https://bit.ly/2SSG44l>).

71 PATEL N.V. *The Best, and the Worst, of the Coronavirus Dashboards* // *The MIT Technology Review*. 2020. March 6 (<https://bit.ly/3e5pWVB>).

72 MATTERN S. *Code + Clay... Data + Dirt: Five Thousand Years of Urban Media*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017.

73 ARADAU C., BLANKE T. *Politics of Prediction: Security and the Time/Space of Governmentality in the Age of Big Data* // *European Journal of Social Theory*. 2017. Vol. 20. № 3. P. 373–391; TAZZIOLI M. *Spy, Track and Archive: The Temporality of Visibility in Eurosur and Jora* // *Security Dialogue*. 2018. Vol. 49. № 4. P. 272–288.

74 KITCHIN R., McARDLE G. *Op. cit.* P. 113.

что смогли инкорпорировать данные, производимые сенсорами и устройствами в режиме реального времени, включая данные, собранные автоматически из социальных сетей и путем краудсорсинга. Итак, хотя дашборды о пандемии оставались довольно простыми, они лишь часть гораздо большего ряда дашбордов; если учитывать, насколько активно в их развитие продолжают инвестировать правительства, фонды, поддерживающие научные исследования, и университеты, вполне вероятно, что дашборды станут со временем изощреннее и приобретут более сложную форму. Это подводит нас к самому важному аспекту кластеров: они не только существуют в режиме реального времени, они живые. В чем разница?

Кластеры – это живые объекты. В то время, как данные, поступающие в режиме реального времени, могут быть представлены на дашбордах, а на субъектов можно воздействовать с помощью дисциплинарной и регулирующей форм власти, сенсорная власть организует так называемые алгоритмы машинного обучения таким образом, что измерение, идентификация, действие и вмешательство могут происходить как моментально, так и рекурсивно. Под моментальными (*live*) мы подразумеваем формы данных, которые мобилизуются благодаря их незамедлительной, непосредственной актуальности, могут быть разной степени интенсивности и иметь разные темпоральности. Как бы то ни было, множественность и текущность кластеров, которые делают их «живыми», также приводят к тому, что кластеры трудно объявить подведомственными контролю исключительно одного органа власти. Это последний аспект сенсорных ассамбляжей, который наиболее приближает нас к тому, что мы подразумеваем под «сенсорной властью». Этот аспект включает в себя модуляцию деятельности тел и групп населения за счет управления мерами воздействия, основанными на технологиях машинного обучения, алгоритмов и визуализаций кластеров как связанных взаимоотношений. В отличие от периодического «переучета инвентаря» в традиционной статистике, здесь группы населения разделяются по живым кластерам, у которых есть импульсы, течения и закономерности. В отличие от достоверности и точности данных по числу инфицированных, контактировавших, выздоровевших и скончавшихся, здесь мы получаем знание о распространении, о пиках и спадах заболевания, которое мобилизует управленческие меры воздействия. В свою очередь данные выполняют двоякую функцию: позволяют выявить атрибуты или характеристики, которые образуют кластеры (например инфицированные, контактировавшие), но в то же время постоянно отслеживают эти характеристики вживую, в режиме реального времени (например ежедневные изме-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

нения R -метрики в «горячих точках», эпицентрах, «пузырях» социального взаимодействия) и тем самым провоцируют изменения в поведении (в том, как люди управляют своими передвижениями относительно «горячих точек») и суверенные и дисциплинарные вмешательства (ослабление или усиление локдауна). Выявление атрибутов производит данные почти тем же образом, что и классические режимы: группы населения периодически измеряются с помощью индексов, показателей, метрик и индикаторов. Однако модуляция процессов между телами и группами населения посредством кластеров, задействованных сенсорными ассамблеями, непрерывно работает с импульсами и сигналами. Эта рекурсивная логика зафиксирована в четырех стадиях аналитической обработки данных: описательный и предварительный анализ («что сейчас происходит», чаще всего в режиме реального времени); применение прогнозирующей аналитики («что вполне вероятно произойдет»); распознавание («обнаружение тех, кто скорее всего преуспеет, и тех, кто потерпит неудачу»); оценка и диагностика данных («как улучшить выполнение программы»)75. По этим элементам можно исчерпывающе проследить, как данные сенсорной власти не отделены, но переплетены с суверенной, дисциплинарной и регулирующей стратегиями. Мы предполагаем, что во время пандемии коронавируса этот аспект сенсорной власти стал особенно видимым и артикулируемым.

Ранее мы упомянули о появлении сенсорных ассамблежей, которые создают и задействуют кластеры – как, например, «горячие точки» и эпицентры. Они стали объектами управления, особенно в гонке разработчиков приложений для обнаружения и отслеживания контактов, репродуцирующих вирус, и тех, кто создает формы вмешательства – например, иммунные паспорта, чтобы вернуть людей к производительному труду76. Конкурентная борьба между национальными органами власти – как, например, было в Великобритании, Германии и Франции – и транснациональными корпорациями, такими как «Apple» и «Google», описывалась как борьба за неприкосновенность частной жизни, однако эта борьба, несомненно, затрагивала и вопрос контроля над данными, их хранением и доступом к ним77.

75 BAMBERGER M. *Integrating Big Data into the Monitoring and Evaluation of Development*. New York: United Nations Global Pulse, 2016. P. 60–61.

76 *Exit through the App Store?* Ada Lovelace Institute, UK. 2020. April 20 (<https://bit.ly/35ft6ou>).

77 BOWCOTT O. *Covid-19 Tracking App Must Satisfy Human Rights and Data Laws* // The Guardian. 2020. May 3 (<https://bit.ly/3fkanuj>); LEVY I. *High Level Privacy and Security Design for NHS Covid-19 Contact Tracing App*. National Cyber Security Centre, UK (<https://bit.ly/2SPvHyq>); MCGEE P., MURPHY H., BRADSHAW T. *Coronavirus Apps: The Risk of Slipping into a Surveillance State* // Financial Times. 2020. April 27 (<https://on.ft.com/2VLYCdp>); MILLER J., ABBODD L. *German U-Turn over Coronavirus Tracking App Sparks Backlash* // Financial Times. 2020. April 27 (<https://on.ft.com/2W4Hr0N>); SABBAGH D. *UK Racing to Improve Contact-Tracing App's Privacy Safeguards* // The Guardian. 2020. May 5 (<https://bit.ly/2L10K90>).

Тем не менее разработка подобных приложений наглядно демонстрирует рождение сенсорной власти в самой начальной стадии зарождения: живое, в режиме реального времени, управление динамическими взаимосвязями между телами и группами населения путем задействования кластеров.

Стоит вкратце описать их логику. Цели любого такого приложения таковы: *обнаружить* местонахождение тел, зараженных вирусом, *уведомить*, *протестировать* и *изолировать* их (если нужно), чтобы предотвратить репродукцию вируса; *отслеживать* все тела, с которыми инфицированные тела вступали в контакт; также *уведомить*, *протестировать* и *изолировать* (если нужно) контактировавших и тем самым *замедлить* репродукцию (R -индекс) вируса. В сущности это создает живые кластеры тел, инфицированных или потенциально инфицированных коронавирусом. Тем не менее для управления телами в кластерах необходимо вмешательство на стадиях уведомлений, тестирований и изоляций, и только так все будет работать эффективно. Несомненно, в этом проявляется взаимосвязь между регулирующей властью и дисциплинарной: чтобы достичь желаемого значения метрики R , используются дисциплинарные технологии власти – как, например, согласие людей на получение уведомлений и на действия в соответствии с полученными результатами в случае, если понадобится пройти тестирование или (если нужно) уйти на самоизоляцию. Это дорогостоящее и малоэффективное осуществление власти. И все же весьма ощутим энтузиазм по поводу потенциального приложения и перспективы полностью изменить положение дел: минимизировать дисциплинарную власть, а сенсорную власть, наоборот, максимизировать. Иными словами, сформулировать проблему управления как взаимосвязь между регулирующей и сенсорной властями.

Оставив без внимания тот факт, что подобное приложение может никогда и не заработать так, как задумано, несмотря на многочисленные попытки (к этой мысли мы вернемся позже), стоит подробнее сосредоточиться на потенциально успешном приложении данного свойства. Мы отметили разные стадии цикла: обнаружение, уведомление, тестирование, изолирование, отслеживание, уведомление, тестирование и замедление. Если бы были найдены решения, как можно автоматизировать стадии тестирования и изолирования, то, в сущности, множественные, взаимосвязанные, текущие, визуализированные и живые кластеры могли бы *управлять сами собой*. Конечно, для такого сценария есть технологические ограничения. Также есть серьезные юридические, политические и культурные ограничения. Но они могут стать преодолимыми, пусть и не во время пандемии коронавируса, а позже и в другой сфере

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

применения, где подобные ограничения кажутся менее значимыми – например, в сфере финансов или транспортной логистики.

Непросто поверить, что подобные сценарии представимы, если бы технологий для обнаружения и отслеживания людей уже не было бы в других сферах, помимо эпидемиологии. Ранее мы упомянули, что накопление капитала в сферах финансов, производства, розничной торговли, транспортных перевозок, гостиничной индустрии, развлечений и в других индустриях уже некоторое время сопровождается накоплением субъективированных людей за счет обнаружения и отслеживания их передвижений и модуляций чувств, потребностей и желаний. Также в ряду сфер управления, где проявляется сенсорная власть, мы упомянули сферу финансов, охраны правопорядка, преступности, миграции, пограничного контроля и образования. Живые данные, производимые сенсорными ассамбляжами, пронизывают и всеохватно распространяются по этим секторам и сферам. В условиях пандемии коронавируса мы наблюдаем, как стратегии и технологии сенсорной власти, появившиеся за последние сорок лет в этих сферах, стремительно набирают скорость.

О СОПРОТИВЛЕНИИ, КОТОРОЕ ВЛАСТЬ ВЫЗЫВАЕТ

Увы, власть – это крайне коварная и ненадежная концепция, и пользоваться ею нужно с осторожностью, по крайней мере с тех пор, как Макс Вебер⁷⁸ попытался использовать концепцию Фридриха Ницше⁷⁹ в своих работах. Мы считаем, что Мишель Фуко⁸⁰ освободил Ницше от Вебера, занявшись исследованием исторического развития форм власти (особенно с XVII века в Европе) и не задаваясь при этом вопросом: что *такое власть по своей сути*? Это вызвало череду вопросов не только о том, как власть функционирует, но и о том, как возможно сопротивляться власти. Мы ставим этот вопрос лишь после того, как выдвинули для начала пять предположений, которые в совокупности наглядно демонстрируют, как сенсорная власть работает через ассамбляжи, которые обнаруживают, отслеживают и визуализируют деятельность кластеров, задействуя их в качестве множественных, относительных, текучих, визуализирован-

78 WEBER M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 926–940.

79 NIETZSCHE F. *On the Genealogy of Morality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 35–67; IDEM. *Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 106–153.

80 FOUCAULT M. *Nietzsche, Genealogy, History* // BOUCHARD D.F. (Ed.). *Language, Counter-Memory, Practice*. Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 1–14.

ных и живых объектов. Мы утверждали, что это сигнализирует о рождении сенсорной власти. Здесь мы обратимся к некоторым мыслям по поводу ограничений, с которыми сталкиваются эта и другие формы власти, и по поводу сопротивлений, которые каждая из них вызывает. Такие ограничения, как говорит Ховард Кейгилл⁸¹, вызывают одновременно и перебои в работе, и сопротивление. Во-первых, многое из того, что мы сказали о формах власти и ее стратегиях, почти никогда не функционирует по желаемому или вообразенному сценарию мечты. Каждая форма власти всегда исчерпывает себя в рамках определенных ограничений. Каждую почти всегда подводят ее управленческие намерения. Для сенсорной власти такими ограничениями являются ошибки кода, осечки алгоритмов, нехватка данных и перебои в работе приложений. И все же осуществление власти, даже наталкиваясь на собственные ограничения, воздействует на накопление субъективированных народов и на накопление капитала. Осуществление власти служит предпосылкой и катализатором, организует и мобилизует практики, которые выходят за рамки намерений и имеют парадоксальные последствия. Во-вторых, формы власти всегда вызывают сопротивление. Методы анализа власти, которые мы разработали в данной статье и проиллюстрировали в таблице выше, исходят из предположения, что каждая форма власти вызывает некий тип сопротивления: суверенная власть вызывает восстание (протест, мятеж, оккупация), дисциплинарная власть вызывает свержение (неразборчивое, многозначное, аллегорическое), а регулирующая власть вызывает уклонение (побег, подражание, лукавство, паразитизм). Если выразиться более решительно, можно сказать, что именно сопротивление делает формы власти видимыми и артикулируемыми. Каждая форма власти выводит на авансцену латентное или потенциальное сопротивление в чувственно осязаемом, видимом и артикулируемом бытовании. Таким образом, подобные ограничения – это не только источники сожалений, но также и сигналы о сопротивлении и объекты для анализа.

Мы предполагаем, что характерный тип сопротивления, который становится символом сенсорной власти, включает в себя взаимодействие между прозрачностью и непрозрачностью. Как замечает Бирчалл⁸², рост прозрачности как политического идеала приводит к неправильному толкованию симбиотических отношений между прозрачностью и непрозрачностью, в результате чего предметом спора становится не выбор между двумя опциями, а вопрос, как определить точки напряженности и

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

81 CAYGILL H. *On Resistance: A Philosophy of Defiance*. London: Bloomsbury, 2013.

82 BIRCHALL C. *Shareveillance: Subjectivity between Open and Closed Data* // *Big Data & Society*. 2016. Vol. 3. № 2. P. 1–12.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

противоречия между ними. Фуллер⁸³, например, предполагает, что между прозрачностью и непрозрачностью идет не то чтобы игра с нулевой суммой, а скорее игра власти. Наблюдая за тем, как прозрачность стала ключевой, основополагающей, сущностной добродетелью в современном мире, Фуллер замечает, что в случае органов власти это подразумевает возможность прозрачной подотчетности, основанной на следующем предположении: абсолютно все может быть переведено в формат отчетов; причем эти отчеты должны быть чистыми и ясными, понятными и непротиворечивыми, и их можно будет тщательно критически изучать. В то же время прозрачность также приводит к созданию так называемых «черных мест» – этот неприкрыто расистский термин описывает созданные военными стратегами засекреченные места, где применялись некоторые из самых изуверски жестоких технологий суверенной власти (пытки водой, лишением сна, казни на электрическом стуле, избиения)⁸⁴. Как говорит Фуллер, чтобы сохранять прозрачность как добродетель, подобные места должны быть сделаны непрозрачными. Мы можем к этому добавить, что в случае коронавируса накопление капитала также зависит от непрозрачности процесса распределения и получения конкурентных преимуществ. Данные, которые производит сенсорная власть, прозрачны («открытые данные»), но то, как эти данные используются и трансформируются в аналитике и разведке, остается непрозрачным; непрозрачны также инфраструктуры, коды, алгоритмы и практики машинного обучения⁸⁵, которые являются частью связанных взаимоотношений, из которых состоят сенсорные ассамбляжи.

Каждая форма власти всегда исчерпывает себя в рамках определенных ограничений. Каждую почти всегда подводят ее управленческие намерения. Для сенсорной власти такими ограничениями являются ошибки кода, осечки алгоритмов, нехватка данных и перебои в работе приложений.

А как тогда прозрачность и непрозрачность отыгрывают себя в способах субъективации? Если сенсорная власть действительно требует и безапелляционно предписывает абсолютную прозрачность, то восстание, свержение и уклонение стано-

83 FULLER M. *Op. cit.*

84 К примеру, секретных тюрем ЦРУ. – *Примеч. перев.*

85 VEALE M. *Privacy is not the Problem with the Apple/Google Contact-Tracing App* // The Guardian. 2020. July 1 (<https://bit.ly/38gNNj5>).

вятся неприемлемыми тактиками. Если накопление субъектов зависит от того, как тела становятся прозрачными в своих движениях, желаниях и потребностях, то субъектам становится все сложнее исполнять ход «я бы предпочел этого не делать»⁸⁶ или «согласие не быть единым (вместе с другими) существом»⁸⁷ в условиях, когда сенсорная власть принимает решения без согласия и динамично распределяет тела по многочисленным кластерам, в которых тела принимают ответные меры. Мы изобрели различные игры согласия, где разыгрываем иллюзию обладания контролем, а сенсорная власть неотступно обнаруживает и хищно отслеживает наши движения, желания и потребности. Каковы тогда формы сопротивления, которые вызывает сенсорная власть? Если тела и вправду задействуются сенсорными ассамбляжами как часть множественных, относительных, текучих, визуализированных и живых кластеров, проблема сопротивления власти оказывается не только в том, как действовать посредством восстаний, свержений и уклонений, но и в том, как сопротивляться обучаемой машине через непрозрачность. Это включает в себя утаивание (шифрование, анонимизация, условные обозначения-псевдонимы) следов (дезориентирующие помехи и подтасовки, маскировка), движений (виртуальные частные сети, сети *Tor*) и настроений (аллегория, ирония, хитрость, мемы), и тем самым мы сможем сделать тайные механизмы и результаты воздействия власти прозрачными. Если до пандемии коронавируса мы сохраняли хоть каплю невинного простодушия относительно способов, которыми мы инкорпорированы в сенсорные ассамбляжи посредством приложений, устройств и платформ, то сейчас хочется надеяться, мы от этого невинного простодушия избавились, так как сенсорная власть стала слишком уж видимой и артикулируемой в тех формах сопротивления, которые она вызывает.

Сокращенный перевод с английского Марии Казаковой

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

86 Žižek S. *The Parallax View*. Cambridge: The MIT Press, 2006.

87 MOTEN F. *Black and Blur. Consent Not to Be a Single Being*. Durham: Duke University Press, 2017.